

Г. Флобер

ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ СТРАННОПРИИМЦЕ

Перевод А. А. Блока

Публикация И. С. Приходько

Блоковский перевод «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» Флобера, сохранившийся в черновом автографе в архиве поэта,¹ публикуется впервые.

Блок работал над этим переводом летом и дорабатывал осенью 1914 г. для полного собрания сочинений Флобера, выходявшего в это время в издательстве «Шиповник». Здесь же, в фонде Блока (оп. 3, № 1), сохранился договор с «Шиповником» от 10 февраля 1914 г. об издании сочинений Флобера, согласно которому два тома переписки и том писем к племяннице Каролине Комманвиль в переводе матери Блока А. А. Кублицкой-Пиоттух редактирует и снабжает предисловиями Блок и, кроме того, сам берется перевести «Сен Жюльена» (под таким названием появляется в договоре «Легенда о Святом Юлиане Странноприимце»). В этом документе обусловлены объемы, оплата, сроки исполнения. «Сен Жюльен» должен быть отдан в издательство не позднее сентября 1914 г.; дополнением к договору срок был отодвинут до ноября.

Из запланированного в «Шиповнике» издания сочинений Флобера вышли I, II, III, IV и VIII тома. Предполагалось дать читателю хорошие современные переводы. Для этого издания были заказаны и выполнены новые переводы основных больших произведений Флобера. В числе их: «Госпожа Бовари» — в переводе А. Н. Чеботаревской (т. I — 1913); «Саламбо» — в переводе Н. М. Минского (т. II — 1913); «Искушение Святого Антония» — в переводе Б. К. Зайцева (т. III — 1913); «Сентиментальное воспитание» — в переводе В. Н. Муромцевой (т. IV — 1915). Последний из выпущенных томов — т. VIII — вышел в начале 1915 г. и содержал письма Флобера к племяннице в переводе А. А. Кублицкой-Пиоттух под редакцией и с предисловием А. А. Блока. Два тома переписки — тома IX и X — хотя и были подготовлены Блоком и его матерью, не появились в издании «Шиповника». Эти рукописные тома, выполненные рукой матери Блока, с его предисловиями, правкой и стихотворными переводами цитируемых в IX томе поэтических строк сохранились в архиве Блока (оп. 3, № 48, 51). По-видимому, война и последовавшая за нею революция не позволили «Шиповнику» завершить запланированное издание сочинений Флобера. Остался неопубликованным и «Сен Жюльен», един-

¹ ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, № 196. Далее ссылки на материалы блоковского фонда даются в тексте с указанием номера описи и единицы хранения.

ственный в творческом наследии Блока законченный перевод художественной прозы.

Черновой автограф представляет собою 63 листа большого формата, исписанные не характерным для Блока крупным почерком, сравнительно легко поддающимся прочтению, что позволяет восстановить не только окончательную редакцию чернового автографа, но и отвергнутые Блоком, зачеркнутые варианты. Беловой автограф, надо полагать, согласно договору был отдан в издательство. Архив «Шиповника» не сохранился.

Ко времени обращения Блока к «Юлиану» вышло в свет около десяти русских переводов этой новеллы. Первый перевод, выполненный И. С. Тургеневым, был напечатан в журнале М. М. Стасюлевича «Вестник Европы» в апреле 1877 г., на месяц раньше, чем оригинал Флобера был опубликован в Париже. Довольный своей работой, Тургенев писал издателю: «Изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был *tour de force* заставить русский язык схватиться с фрунцузским — и не остаться побежденным...».²

Перевод Тургенева представлял собою безусловное достижение русской словесности. Но, будучи первым опытом освоения западной литературной стилизации, он, естественно, имел некоторые просчеты. Тургенев переводил с рукописи и не учел последующей правки Флобера при подготовке новеллы к изданию. Во французском академическом издании Л. Конара (L. Conard) воспроизведены 40 разночтений первоначального варианта с окончательным текстом повести Флобера.

Общий объем текста Тургенева превосходит текст оригинала более чем в полтора раза. Такое разрастание текста происходит за счет характерного для Тургенева перевода-комментария. Комментируя, т. е. добавляя что-то от себя, он опускал отдельные слова и фразы Флобера. Но главное — Тургенев изменил стиль, интонацию, ритм этой вещи. Ин. Анненский автор одного из последующих переводов «Юлнана», признавая «артистичность» перевода Тургенева, замечал, что его «яркая <...> поэзия» превышает подчас красоты подлинника.³

Публикация «Легенды» Флобера в России вызвала резкую критику как самого произведения, так и его перевода Тургеневым. Автором критической статьи в газете «Новое время» (от 8/20 апреля 1877 г.) был В. П. Буренин, подписавшийся одним из своих многочисленных псевдонимов — «Тор». Буренин недоумевал, почему такие реалисты, как Флобер и Тургенев, отдались мистике и зачем вообще современному читателю нужны эти католические фантазии. Тургенева он упрекал в забвении русского языка, которое проявилось в обилии галлицизмов. При подготовке новеллы для включения ее в собрание сочинений 1880 г. Тургенев учел некоторые из его замечаний и исправил ряд явных галлицизмов. На остальных он настаивал и объяснил свою позицию в ответном письме, которое направил в редакцию газеты «Наш век». Однако и при переработке перевода для собрания сочинений 1880 г. Тургенев не сверился с окончательным текстом оригинала, сохранив все те же 40 разночтений.⁴

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1966. Т. 12, кн. 1. С. 131.

³ См. предисловие Ин. Анненского в кн.: Флобер Г. Иродиада. Легенда о Святом Юлиане Милостивом. СПб., 1911. № 30. Оборот титула.

⁴ Перевод «Легенды о Святом Юлиане Милостивом» Тургеневым проанализирован в статье: Клеман М. И. С. Тургенев — переводчик Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1934. Т. 5. С. 133—149. О других тургеневских переводах Флобера см.: Эйхенгольц М. 1) «Три повести» Флобера // Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 5—21; 2) Работа над

Перевод Тургенева не удовлетворил и тех, кто понял и принял «Юлиана» Флобера. Эта неудовлетворенность сказалась в появлении в сравнительно короткий срок ряда новых переводов этой новеллы. Первым из них был анонимный перевод, вышедший отдельной книжкой в 1883 г. Второе издание этого перевода с некоторыми исправлениями выходит в издательстве В. И. Губинского в 1899 г. Из небольшой преамбулы на обороте титульного листа можно заключить, что сам издатель был автором перевода. Годом раньше, в 1898 г., появился перевод И. Ясинского. Затем, в 1908, 1910 и 1915 гг., выходят последовательно три издания перевода Н. Соболевского, а в 1908 и 1911 гг. — перевод Ин. Анненского. В советские издания Флобера, наряду с переводом И. С. Тургенева,⁵ включается перевод М. А. Волошина,⁶ сделанный им позднее неизвестного ему блоковского перевода.

Все эти переводы отмечены тенденцией преодолеть недостатки перевода Тургенева, приблизить перевод к тексту оригинала, как в смысловом отношении, так и в отношении стиля и ритма. При правильности общей установки новые переводчики не достигли полного успеха. Они отошли от мощного сказового стиля Тургенева и не приблизились к изяществу поэтической стилизации Флобера.

В этой ситуации в состоянии вступил Блок. Его обращение к «Сен Жюльену» не было случайностью. Проблема «Блок и Флобер» до сих пор не поставлена исследователями, хотя оснований для ее постановки достаточно.

Блок воспитывался в литературной семье Бекетовых, одним из кумиров которой был Флобер. Е. Г. Бекетова, бабушка Блока, сделала талантливый и профессиональный перевод «Сентиментального воспитания» для 3-го тома собрания сочинений Флобера, вышедшего в 1890-е годы.⁷ Юный Блок ознакомился с романом по этому изданию. Отец, А. Л. Блок, также был поклонником Флобера, что нашло отклик в строчках поэмы «Возмездие»:

... (Хоть он юристом был,
Но поэтическим примером
Не брезговал. Констан дружил
В нем с Пушкиным, и Штейн с Флобером).

Здесь же, в поэме, читаем о том, какое значение имело флоберовское воспитание чувств для обоих родителей Блока:

переводом «Иродиады» Флобера // Красная новь. 1935. № 7. С. 196—203; Соболевский Н. «Иродиада» Флобера в переводах Тургенева и Эйхенгольца // Литературный критик. 1934. № 11. С. 187—193; Славятинский Н. Две «Иродиады» // Красная новь. 1935. № 1. С. 197—207. См. также предисловия и комментарии к тургеневскому переводу «Легенды», включенному в его сочинения: Тургенев И. С. 1) Собр. соч. Л., 1934. Т. XI (комментарий Б. Эйхенбаума); 2) Избранное. М., 1982 (комментарий к разделу «Переводы»). Указанные издания сочинений Тургенева служат предлогом для включения блоковского перевода «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» в соответствующий том академического собрания сочинений поэта.

⁵ Флобер Г. 1) Собр. соч.: В 4 т. М., 1971. Т. 4; 2) Собр. соч.: В 3 т. М., 1984. Т. 3.

⁶ Флобер Г. 1) Собр. соч.: В 10 т. М., 1934. Т. 5; 2) Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 4.

⁷ Флобер Г. Собр. соч. СПб., 1897. Т. 3.

Он тоже получил от детства
Флобера странное наследство
Edikation sentimental.⁸

Не случайным было и обращение Блока к письмам Флобера, в которых писатель, составивший себе славу объективного художника, избегающего проявления авторского «я» в своих произведениях, предстает человеком с обнаженной и ранимой душой и одновременно художником, артистом, поднявшимся до высот самоотречения в служении «единому прекрасному». Блока и Флобера роднит также

И отвращение от жизни
И к ней безумная любовь.

Можно обозначить и другие идеологические и эстетические точки соприкосновения этих двух художников. Но наиболее тесно их творческие устремления сплелись в «Легенде о Святом Юлиане Странноприимце»: здесь Блок-переводчик наиболее близко подошел к Флоберу-автору.

Как известно, в творчестве Флобера реалистические произведения из современной жизни чередуются с историческими сюжетами и стилизациями. Нет ничего удивительного в том, что Флобер обратился к мистическому средневековому сюжету. Замысел «Юлиана Странноприимца» возник у него очень рано — в 1846 г.; в 1856 г., когда редактировал «Искушение Святого Антония», он вновь думал о легенде, а написал во время работы над «Бюваром и Пеккюше» в 1875—1876 гг. В письме к Тургеневу от 3 октября 1875 г. Флобер признается, что ставит перед собою чисто эстетическое задание: «...чтобы посмотреть, могу ли я еще сделать фразу, в чем я сомневаюсь». Автор определяет это свое сочинение как «маленькую нелепицу», «особый урок в наказании». Эстетизация и героизация прошлого у Флобера отчетливо противопоставлены современной жизни: «Это ставит меня в среду более опрятную, чем современный мир» (от 11 декабря 1879 г.).⁹ Но значение «Легенды о Юлиане» Флобера не может быть сведено к эстетическому экспериментаторству. Блок увидел в ней отчетливо выраженное мифологическое начало и в своем переводе подчеркнул его. Надо полагать, что мифологический, т. е. вечный, смысл привлек к этому произведению и Тургенева, чье собственное творчество не лишено мифопоэтических элементов.

В финале «Легенды» автор сообщает, что сюжет поведанной истории был подсказан ему образами витража Руанского собора. Этот прием повествователя имеет лукавое намерение сбить читателя с толку. В письме к своему издателю Шарпантье от 16 февраля 1877 г. Флобер признается в этом: «Иллюстрация эта понравилась мне потому именно, что она, собственно, была не иллюстрацией, а историческим документом. Сравнивая изображение с текстом, говорили бы про себя: ничего не понимаю! Каким образом он извлек одно из другого?»¹⁰ Более прямое отношение к новелле Флобера имели другие средневековые источники, указанные автором: «Опыт о живописи на стекле» Ланглуа, где описана упомянутая оконница, сборник «Золотая легенда» Якова де Ворегине (XIII в.), в который вошла легенда о Юлиане, послужившая сюжетом для витража, а также «Историческое зеркало» Винцента де Бове (XIII в.), книга, связанная с церковной средой и дающая житийный вариант легенды. На основании этих источников, а также тщательного изучения исторического

⁸ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 323, 337.

⁹ Флобер Г. См. об этом: Флобер Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1934. Т. 5. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 7.

материала Флобер создает свою «Легенду». Рукописи отразили стремление Флобера к научной точности воссоздаваемых реалий средневекового быта, образа мира, образов вещей, зверей и т. п. В частности, в связи с работой над новеллой Флобер изучает все способы и атрибуты охоты. Он создает своеобразный «бестниарий» по образцу средневековых. Сохранились отдельные листки с обозначениями: «Собаки», «Олень», «Полст» и т. п., где приведены исчерпывающие сведения по каждому разделу.

Известно, насколько тщательно и всесторонне изучал европейское средневековье Блок (особенно в связи с работой над драмой «Роза и Крест»), какой глубокий интерес и пристрастие питал он к рыцарской культуре. Ожившие под пером европейского мастера картины средневековой жизни, исторически выверенные и овеянные ароматом легенды, не могли не воодушевить Блока на создание своего варианта этого прекрасного сказания.

Интересен и созвучен Блоку мифологический смысл «Легенды» Флобера. Путь героя через падение, чудовищное преступление — убийство отца и матери, явившееся следствием его жестокосердия и наказанием за него, через муку, раскаяние, предельное уничтожение и самоотвержение в служении людям — к вознесению в вечный свет. Легенда иллюстрирует христианское отношение к грешнику, достигшему глубин падения и принявшему на себя муки ада. Грешник, изживший свой грех страданием, Господу дороже праведника, он достоин приобщения к сонму святых. По слову Писания, погубивший душу свою спасет ее.

Эта легенда напоминает о другом легендарном герое средневековья — Франциске Ассизском. Не случайно Блок соединяет эти два имени в своем предисловии к предполагавшейся публикации дневника О. К. Соколовой — в очерке «Дневник женщины, которую никто не любил». Современным «ученым, художникам, политикам» — тем, чья культура «теряется перед лицом темноты, невежества, неубранности, путаницы», Блок противопоставляет «культуру Франциска Ассизского и Юлиана Милостивого», достигших подлинных нравственных высот вследствие искупления своего грехопадения и не гнушающихся в своем милосердии темными, грязными, больными проявлениями жизни.¹¹ С ними Блок связывает представление о чистоте и свете, которые превосходят то, что «умные и тонкие люди» называют культурой.¹² Это культура высшей человечности, овладение которой становится целью его собственного пути.

В переводе новеллы Флобера Блоку было интересно и чисто эстетическое задание: создать текст, адекватный флюберовскому по точности, лаконизму и динамике, по стилю и интонации, музыкальности и живописности. Мастер стиля, Флобер был чрезвычайно взыскателен в своей работе над текстом. Он стремился к созданию прозы ритмичной, как стих, и точной, как научный язык. Большое значение для Флобера имела звуковая сторона фразы. Переживая «ужасы стиля», «муки ассонансов», «пытки периодов», Флобер добивался жизненности фразы, ее соответствия человеческому дыханию, реализуя свой эспираторный принцип. Но Блок — поэт; ритм и дыхание — его стихия, и он без видимого усилия вступает в соперничество с французским мастером.

Блок выполняет перевод в очень короткий срок. Первоначальную редакцию перевода (сохранившийся черновой автограф) он создает с 13 по 26 июня 1914 г. О начале и конце работы над переводом есть записи в «Записных книжках» 41, 42, 44 в соответствующие дни. А между

¹¹ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 29—31.

¹² См. высказывания Блока о Св. Франциске Ассизском в рецензии на сборник К. Д. Бальмонта «Фейные сказки», февраль 1906 г. (Блок А. Собр. соч. Т. 5. С. 619), а также в итальянских заметках «Молнии искусства», октябрь 1909 г. (Там же. С. 391).

ними — почти ежедневные упоминания о продолжающейся работе (от 15, 16, 17, 20, 23 июня 1914 г.).

Блок переводил «Юлиана» с французского издания Л. Конара: вырванные из тома страницы с «Легендой» — *La Légende de Saint Julien l'Hospitalier* — сохранились в архиве Блока при черновом автографе перевода. На страницах французского текста рукою Блока подчеркнуты отдельные слова, значения которых выписаны карандашом на полях. Как правило, это слова редкого и специального употребления — из сферы охоты, хозяйства и быта средневековья, или неизвестные собственные имена. Непродолжительные сроки работы над переводом, а также сравнительно небольшое количество и специфика выписанных слов лишний раз подтверждают, что Блок хорошо владел французским языком. Но главное — он слышал и чувствовал мелодику прозы Флобера.

К черновому автографу приложен рабочий листок (оп. 1, № 196, л. 92), на который вынесены немногие вызывавшие у Блока сомнение или неизвестные ему слова и названия с указанием страницы, на которой они встречаются. Например, «базилик (*basilic*) — 78 цветков?»; «бирючина — бересклет, крушина — душистые кисти»; «*hennin* — 79; какой-то головной убор»; «*chien d'oysel* — ? (87)»; «*tartaret* — соколиная порода (87)»; «*mître mires* (94)? знахари?»; «Гараманты (*garamantes*) — что за племя? 78—79»; «Что за страна *Occitanie* (99 и сл.)». У Тургенева это последнее название переведено как Аквитания, т. е. реальная, известная в средневековье страна, располагавшаяся в юго-западной части современной Франции. Блок оставляет вымышленный флоберовский вариант — Окситания.

Но сомнения Блока начинаются с заглавия — слово «Страннопримец» вынесено на рабочий листок со знаком вопроса, а на первой странице перевода (№ 196, л. 2) первая половина этого слова вымарана и сверху надписано «Странно».

Тургенев перевел название новеллы Флобера как «Католическая легенда о Юлиане Милостивом». Последующие переводчики эпитет при имени героя переводили по-разному: наряду с «Милостивым» появились «Гостеприимец» и «Страннопримец». Блок после некоторых колебаний останавливается на варианте «Страннопримец», так как это слово обладает необходимой в данном случае многозначностью: прежде всего реализуется его буквальное значение — «принимающий странника (странников)»; слово «странник» прочитывается не только по отношению к таинственному гостю Юлиана, но и к нему самому, который, как и всякий человек, в этом мире странник, и в конечном счете его, «странника», «принимают» небеса; в этом слове также актуализируется омонимическое (генетически вторичное) значение «странный», т. е. непостижимый, таинственный. Есть у этого слова и историческое значение: в средние века на острове Мальта существовал орден страннопримцев — иоаннитов, к которому имеет отношение средневековая легенда о Юлиане. Это орден Иоанна — апостола любви. Кроме того, это слово, будучи архаизмом, уже с заглавия переклюкает сознание читателя в иной, древний пласт культуры. Таким образом, Блок делает единственно правильный выбор.

Работая над переводом, Блок преследует цель максимально сохранить особенности текста Флобера, не поступаясь законами и естественностью русского языка. Прежде всего ему было важно найти средства, которые бы сохранили и усилили философско-мистическое звучание текста. Так, Блок предельно исключает эпитеты — в полном соответствии с флоберовской волей, за счет чего акцентируется предметно-действенная текстовая структура. Особенно значительной эта тенденция становится в последней главе, воссоздающей аскетизм жизни Юлиана: подчеркнуты скупость и значительность предметного мира. Шалаш, лодка, скамья, постель из

листьев, миска, кружка приобретают онтологическое значение как необходимо элементарные начала, достаточные для земной жизни человека. Аскетизм земного предметного мира увеличивает пространство ее духа. Осознавая эту особенность флюберовского текста, Блок бережно ее сохраняет.

Свою задачу переводчика Блок видит в достижении предельной краткости, в поиске ритмических структур, позволяющих воссоздать упругую динамику текста Флобера. Для этой цели Блок вырабатывает систему собственных приемов. Так, он преобразует синтаксическую структуру оригинала, заменяя подчинительную связь сочинительной или бессоюзной, превращая полные предложения в неполные за счет снятия подлежащего и дополнения, расчлняя сложное предложение на два или более простых и, наоборот, соединяя соседние предложения в одно, заменяя аналитические структуры синтетическими. Примерами такого вольного обращения с синтаксическими структурами оригинала могут быть следующие:

Un jour, pendant la messe, il aperçut, en relevant la tête, une petite souris blanche qui sortait d'un trou, dans la muraille. Elle trottina sur la première marche de l'autel, et, après deux ou trois tour de droite et de gauche, s'enfuit du même côté.

Un matin, comme il s'en retournait par la courtine, il vit sur la crête du rempart un gros pigeon qui se rengorgeait au soleil. Julien s'arrêta pour le regarder; le mur en cet endroit ayant une brèche, un éclat de pierre se rencontra sous ses doigts. Il tourna son bras, et la pierre abattit l'oiseau qui tomba d'un bloc dans un fossé.

Сопоставление с переводами этих же фрагментов, сделанными Тургеневым и Волошиным, позволяет увидеть, что никто из них не обладал смелостью Блока:

Однажды, подняв во время обедни голову, он заметил маленькую белую мышь, вышедшую из скважины стены. Она побегала немножко по первой ступени алтаря, — и, протрусив раза два, три — направо, налево, снова скрылась в скважине.

Однажды утром, возвращаясь с валу, он увидел на гребне стены голубя, толстого красногого голубя; он красовался и двигал зобом на солнце. Юлиан остановился, чтобы посмотреть на него, и так как стена в этом месте несколько обрушилась и расселась, то ему случайно попал под руку

Раз он поднял голову за обедней и замстил белую мышку; она вышла из дыры в стене, вскочила на первую ступеньку алтаря, повернулась два-три раза и шмыгнула назад.

Проходя утром по саду, он заметил на краю стены толстого голубя; голубь грелся на солнце. Юлиан остановился посмотреть; в стене была щель, пальцы нащупали осколок камня. Он шевельнул рукой, камень ударил в птицу, та, не пикнув, упала в ров.

Однажды во время обедни, подняв голову, он заметил белую мышку, которая вышла из норки в стене. Она просеменила по ступеньке алтаря два-три раза направо и налево и вернулась в ту же скважину.

Однажды утром, возвращаясь домой по куртине, он увидел на гребне стены большого голубя, который красовался на солнце. Юлиан остановился посмотреть на него. Стена в этом месте была пробита, и осколок камня подвернулся ему под руку. Он размахнулся — и камень полетел в пти-

осколок камня. Он поднял руку — и камень полетел прямо в птицу, которая так и покати́лась в ров, как чурбанчик.

(Перевод И. С. Тургенева)

цу, которая покати́лась чурбанчиком в крепостной ров.

(Перевод М. А. Волошина)

Там, где Тургенев и Волошин, стремясь к адекватности синтаксической конструкции, создают сложные многокомпонентные структуры, Блок обходится минимумом, сводя их к простейшим. Именно это качество позволило Блоку достичь максимальной конденсации текста и усиления его динамики не только в эпизодах действия, но и в пространных флюберовских описаниях и перечислениях. Например, в перечислении собак, составлявших собачью стаю, подаренную отцом Юлиану, Блок сохраняет симметричную структуру Флобера (в то время как Волошин отступает от нее, в результате чего ритмика перечисления разрушается). Блок досаждает на это место новеллы в записи от 15 июня 1914 г.: «Что бездарнее перечислений (на этот раз собак и соколов) у французских писателей? <...> Тоска и скука».¹³ Тем не менее в своем переводе он создает равную флюберовской поэзию каталогизации, главным образом за счет соблюдения ритма. Чуть позднее, 23 июня, он заметит: «Флобер, да воспоминания Фета, да еда, да природа. И скука, и прелесть»,¹⁴ т. е. сам признает флюберовскую прелесть «скуки» и в своем переводе повторит ее.

В стремлении к лаконизму Блок использует словообразовательные и лексические возможности русского языка. Так, например, «une petite souris» он переводит как «мышка», «il en approchait avec douceur» — «он подкрадывается», «Les quatre tours aux angles avaient des toits pointus...» — «Четыре островерхие башни по углам...» и т. п. Он находит адекватные ритмы, убирая местоимения и вспомогательные структуры («Julien s'arrêta pour le regarder» — «Жюльен остановился посмотреть»), эпитеты и определительные конструкции («des bigles chanteurs» — «с визгом гончих»; у Волошина — более громоздко: «певучий лай английских гончих»), предпочитая в синонимических рядах наиболее короткие слова, заменяя слова во множественном числе формой их единственного числа в классно-собирательном значении.

Блок достигает флюберовской простоты и выразительности. Его текст выдерживает испытание голосом, чему подвергал свои сочинения и Флобер, чтобы убедиться в их естественности и благозвучии. Ритмически перевод Блока ложится на дыхание и сохраняет эвфонию поэтического текста. Оставаясь поэтом и в переводе прозы, Блок чуток к ее звуковой стороне, к семантически наполненным ассонансам и аллитерациям, свойственным его поэтической речи: «Террасы, пестрея цветами, спускались к берегу залива, где розовые ракушки звенели под ногами»; «...всюду царил такая тишина, что был слышен шелест шарфа и отзвук вздоха» и т. п.

В целом блоковский перевод «Легенды о Святом Юлиане Странноприимце» Флобера — образец высокой художественности. При большой свободе обращения с текстом оригинала Блок достиг наибольшей ему адекватности, так как сумел почувствовать и передать главное — уникальный ритм и стиль этого произведения.

¹³ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 233.

¹⁴ Там же.

Отец и мать Юлиана жили в замке, среди лесов, на склоне холма.

Четыре островерхие башни по углам были покрыты свинцовыми плитками, а стены упирались в скалистые глыбы; скалы круто обрывались на самое дно рва.

Двор, мощный тесаным камнем, был чист, как церковный пол. Длинные желоба, украшенные драконами с пастью, разнутой вниз, изрыгали дождевую воду в водоем; на каждом окне в расписанном глиняном горшке покачивался базилик, или гелиотроп.

За частоколом виднелись фруктовый сад, потом расписанная цифрами из цветов лужайка и, наконец, тенистая виноградная беседка для прохлады и площадка с игрой шарами для забавы пажей. С другой стороны помещались псарня, конюшня, пекарня, давальня и амбары. Все это было окружено зеленым пастбищем, а оно замыкалось крепкой колючей изгородью.

Мир здесь не нарушался так давно, что перестали даже опускать решетку; рвы заросли травой; ласточки вили гнезда между зубцами стены; едва лишь солнце начинало припекать, сторож, который ходил целый день по стене, прятался в сторожку и засыпал сном монаха.

В комнатах всюду поблескивали металлические украшения; ковры служили защитой от холодов; шкапы ломились от белья, в подвалах громоздились винные бочки, а дубовые сундуки покрякивали под тяжестью мешков с деньгами.

В оружейной палате хранились знамена, чучела хищных зверей и оружие всех стран и всех времен, начиная с пращей Амалекитян и дротиков Гарамантов, кончая короткими сарацинскими мечами и кольчугами Норманнов.

На главном кухонном вертеле нетрудно было повернуть целого быка; капелла не уступала пышностью королевской молельне. В укромном месте была даже римская баня; но добродетельный сеньор не пользовался ею, не находя возможным следовать обычаю язычников.

Он всегда рядился в лисью шубу и расхаживал по усадьбе, творя справедливый суд над вассалами и миря поссорившихся соседей. Зимой он смотрел, как падают хлопья снега, и слушал чтение историй. Едва наступала весна, он уже ехал на ослице по тропкам, окаймленным зеленой рожью, вступал в беседу с поселянами и давал им полезные советы. Испытав немало приключений, он посватался к девице знатного рода.

Она была очень бела лицом и чуть-чуть надменна. Ее головной убор цеплялся за притолоки дверей; шлейф суконного платья волочился на три шага. Домашний уклад ее в порядливости не уступал монастырскому; каждое утро она раздавала работу служанкам, наблюдала за вареньем и приготовлением ароматов, пряла или вышивала алтарный покров. Господь за молитвы послал ей сына.

Тут-то начались торжества; обед при свете факелов и звуках арф, на грудах листьев продолжался три дня и четыре ночи.

Гости кушали самые редкие пряности и толстых, как бараны, кур; для потехи из пирога выскочил карлик; кубков уже не хватало, так как толпа росла без усталости; пришлось пить из рогов и шлемов.

Молодая роженица не присутствовала на торжестве; она спокойно лежала в постели. Проснувшись под вечер, она увидела в луче месяца скользящую тень. То был старичок в грубой шерстяной ряске; на боку болтались четки, на плече — сумка, словом, он всем походил на отшельника. Он приблизился к изголовью и сказал, не разжимая губ: — Радуйся, мать! Сын твой будет святым!

Она хотела вскрикнуть; старик скользнул по лунному лучу, тихонько поднялся на воздух и пропал.

В эту минуту донеслись звуки застольных песен. Ей почудились голоса ангелов; голова ее упала в подушку; над нею покоились мощи мученика в оправе из карбункула.

Назавтра опросили слуг, но никто не видал отшельника. Не ведомо, что это было — сон или явь; во всяком случае — знаменье небес; она постаралась, однако, никому ничего не говорить, боясь показаться спесивой.

Пирующие друзья разошлись рано утром; отец Юлиана, провожая последнего, вышел из двери подземного хода; вдруг к нему бросился сквозь туман какой-то нищий. То был цыган с заплетенной бородой, с серебряными кольцами на руках; его зрачки пылали. Он вдохновенно бормотал отрывочные слова:

— О! твой сын!.. много крови!.. великая слава!.. счастливец! Родня императору!

И, наклонившись, чтобы поднять милостыню, он затерялся в траве, исчез.

Милостивый сеньор поглядел направо, потом налево, долго кричал и звал. Никто не откликнулся; только ветер свистел и разлетался утренний туман.

Видение свое он приписал усталости и бессонной ночи.

«Если я расскажу, надо мной будут смеяться», — подумал он.

Предсказание было неясно, и он сомневался даже, слышал ли что-нибудь; а все-таки величие, предсказанное сыну, кружило ему голову.

Супруги скрыли свою тайну друг от друга. Они ухаживали за ребенком с одинаковой любовью; видя в нем печать Божию, они окружили его бесконечной заботой.

Постельку набили тончайшим пухом; над ней бесценно горели светильники в виде голубя; ребенка баюкали три кормилицы; крепко спеленутый, с розовыми щеками и голубыми глазами, под парчовой накидкой, в чепчике, украшенном жемчугом, он был похож на младенца Иисуса. Когда у него прорезались зубы, он ни разу не заплакал.

Ребенку минуло семь лет, и мать научила его петь. Отец посадил его на большую лошадь, чтобы развить мужество. Ребенок улыбался от удовольствия; и скоро постиг все качества боевых коней.

Старый и многоученный монах научил его читать Священное Писание, писать арабские цифры и латинские буквы и рисовать миниатюры на тонком пергаменте. Они трудились вместе, в высокой башенке, вдали от шума.

Когда кончался урок, они спускались в сад и, тихо прогуливаясь, изучали цветы.

Порою в долине появлялась вереница вьючных животных с погонщиком, одетым пестро, по-восточному. Хозяин, признавая купца, посылал за ним слугу. Чужестранец доверчиво сворачивал с дороги, входил в приемную и вытаскивал из сундуков меха, шелка, серебро, ароматы и странные предметы неведомого назначения; уходил он с барышами, не потерпев обиды. Порою толпа пилигримов стучалась у ворот. Их мокрые одежды дымились у огня; откормившись, они пускались в рассказы о своих странствиях; о кораблекрушениях на многопленном море, о переходах по раскаленным пескам, о зверстве язычников, о Сирийских пещерах, о яслях Вифлиема и о гробе Господнем. Они снимали раковины с плащей и дарили их юному господину.

Хозяин нередко угощал своих старых боевых товарищей. За вином вспоминались войны, осады крепостей машинами и почетные раны. Юлиан вскрикивал, слушая рассказы; отец в те минуты видел в нем будущего полководца. Зато, когда после вечерни Юлиан с благородной скромностью раздавал деньги из кошелька, проходя толпою кланяющихся нищих, мать уже ясно видела его архиепископом.

В капелле он стоял рядом с родителями; как бы ни тянулось богослужение, он не вставал с колен перед аналоем; руки были сложены, шапочка лежала на полу.

Раз он поднял голову за обедней и заметил белую мышку; она вышла из дыры в стене, вскочила на первую ступеньку алтаря, повернулась два-три раза и шмыгнула назад. В следующее воскресенье мысль о мыши уже мешала молиться; мышь тут как тут; каждое воскресенье он ждал ее, это ему наскучило; он возненавидел мышь и решил с ней разделаться.

Закрыв дверь, он посыпал на ступеньки хлебных крошек и стал ждать у норы с хлыстиком в руках.

Прошло немало времени, наконец, показалась розовая мордочка, и мышь вылезла. Он ударил слегка и остолбенел: маленькое тельце уже не двигалось. На камне заалела капля крови. Он скорей стер ее рукавом, выбросил мышь и не сказал никому ни слова.

Всякие птички воровали зерна в саду. Юлиану вздумалось положить несколько горошин в стебель камыша. Услышав чириканье на дереве, он подкрадывался, поднимал трубу и раздувал щеки; птички градом сыпались ему на плечи; он был доволен шалостью и хохотал до упаду.

Проходя утром по саду, он заметил на краю стены толстого голубя; голубь грелся на солнце. Юлиан остановился посмотреть; в стене была щель, пальцы нащупали осколок камня. Он шевельнул рукой, камень ударил в птицу, та, не пикнув, упала в ров.

Юлиан бросился, разрывая платье, обшаривать кусты с ловкостью молодой ищейки.

Голубь со сломанными крыльями еще трепетал в ветках крушины.

Это упорство жизни раздражало ребенка. Он стал душить птицу; при виде судороги у него колотилось сердце; он задышался от дикого и буйного сладострастья. Когда тело птицы вздрогнуло в последний раз, Юлиан был близок к обмороку.

Вечером за ужином отец сказал, что в его возрасте пора учиться псовой охоте, и принес старую тетрадь, где в ответах и вопросах излагались охотничьи утехы. Наставник преподавал ученику искусство дрессировать собак, вынашивать соколов, расставлять сети, узнавать оленя по помету, лисицу по следу, волка по логову; описывались лучшие средства различать следы зверей, выгонять, отыскивать их убежища; все заключалось перечислением благоприятных ветров, охотничьих криков и правил, которым надо следовать при дележе добычи.

Когда Юлиан выучил все это наизусть, отец подарил ему собачью стаю.

Двадцать четыре варварийских борзых были послушны и легки, как газели; семнадцать пар широкогрудых и голосистых бретонских псов с белыми пятнами на рыжей шерсти были рабски преданы хозяину. Для охоты на кабана и для опасных разведок назначались сорок грифонов в медвежьих шубах. На зубров ходили татарские дворняжки, ростом с доброго осла, с огненной шерстью, широкой спиной и прямыми поджилками. Черное руно болонок лоснилось, как атлас; тьякканье тальботов сливалось с визгом гончих. На отдельном дворе рычали, звенели цепями и вращали зрачками восемь аланских догов; эти чудовища прыгали выше седла и не боялись львов.

Все собаки ели пшеничный хлеб, лакали из каменных колод и носили звучные имена.

Соколиная охота была, пожалуй, еще лучше собачьей стаи; добрый сеньор потрудился немало на кавказских самцов, на сероголовых вавилонских соколов, на германских кречетов и соколов-странников, которых ловят в дальних краях, на крутых берегах холодных морей. Птицы жили в сарае, крытом соломой, и были прикованы к жерди по росту; перед ними зеленый травянистый пригорок, туда их выпускали иногда поразмяться.

Тенета, удочки, железные ловушки и всякого рода западни — всего было довольно.

Собачью стаю часто выводили в луга, и сейчас же собаки делали стойку. Тогда псарь, крадучись, заботливо набрасывали на их неподвижные тела огромную сеть. По условному крику собаки начинали лаять; перепела вылетали; и тогда соседки, приглашенные на охоту вместе с мужьями, дети, служанки и все, кому не лень, обирали их голыми руками.

А то били в барабан, чтобы выгнать зайца; лисицы проваливались в ямы; скрытая пружина, раскрутясь, ловила волка за лапу.

Юлиан пренебрегал, однако, невинными забавами; он предпочитал охотиться вдаль от всех, на своем коне, с одним соколом. Чаще всего с ним был большой татарский сокол из Скифии, белый как снег. Его кожаная шапочка венчалась султаном, золотые бубенчики позвякивали на сизых лапах; он сидел крепко на руке господина, пока конь скакал, преодолевая равнину за равниной: Юлиан, распустив путы, вдруг отпускал сокола; дерзостная птица взвивалась в воздух прямо, как стрела; было видно, как две неровные точки вертятся, сцепляются и исчезают в лазури. Сокол опускался, расклевав птицу, и опять садился на рукавицу, вздрагивая крыльями.

Так убил Юлиан цаплю, коршуна, ворону и ястреба.

Он любил, трубя в рожок, ездить по следу гончих; собаки взбегали на холмы, перескакивали через ручьи, забирались в лес; когда олень начинал стонать от укусов, он быстро добивал его; потом наслаждался обжорством псов, пока те пожирали разрезанные куски на дымящейся шкуре.

В туманные дни он подстерегал на болотах гусей, уток и выдр.

Чуть заря, три конюха ждали его у террасы; старый монах напрасно делал ему знаки из слухового окошка; Юлиан не оборачивался. В зной, и в бурю, и в дождь он пил пригоршней из ключей, ел дикие яблоки, растирая их между ладонями, а когда уставал, то отдыхал под дубом. Возвращаясь в полночь в грязи и в крови, с колючками в волосах, он еще чуял запах диких животных. Он сам стал похож на зверя. Мать обнимала его, а он холодно принимал объятия, и мысль его блуждала далеко.

Он бил медведей ударом ножа, быков — топором, кабанов — рогатиной; когда при нем была только палка, он защищался ею от волков, глодавших трупы у подножия виселицы.

* * *

В одно зимнее утро Юлиан уехал до свету, взяв с собою все необходимое; на плече висел арбалет, на луке седла — колчан, набитый стрелами.

Ровная поступь датского жеребца будила эхо; по бокам бежали две таксы. Изморось каплями садилась на плащ, дул свирепый ветер. Горизонт просветлел с краю; в бледных сумерках Юлиан заметил, как прыгали кролики у нор. Таксы сейчас же бросились туда и стали направо и налево перегрызать спины.

Начался лес. На конце ветки спал окоченевший от холода глухарь, спрятав голову под крыло. Юлиан взмахом меча отсек ему лапы и, не оглянувшись, продолжал путь.

Часа через три он очутился на вершине горы, так высоко, что небо казалось почти черным. Перед ним, как стена, высилась скала, наклоненная над пропастью; на краю два диких козла смотрели в бездну. Стрел не было (лошадь осталась позади), и он решил доползти до козлов; разулся, сгорбился, настиг одного и вонзил кинжал между ребер. Другой в ужасе прыгнул в пропасть. Юлиан бросился за ним, споткнулся о труп и повис лицом над бездной, раскинув руки.

Он вернулся на равнину и поехал лозняком вдоль речки. Низко пролетающие журавли порой задевали его за голову. Юлиан без промаха убивал их хлыстом.

Между тем изморось начала таять, за клубился пар и показалось солнце. Вдали поблескивало, как свинец, застывшее озеро. Посредине сидел зверь, еще незнакомый Юлиану, — черномордый бобер. Стрела достигла цели, несмотря на дальность расстояния; он пожалел, что не может взять шкуру.

При въезде в лес два ряда старых деревьев, сойдясь вершинами, образовали подобие триумфальной арки. Из кустарника выпрыгнула козочка, на тропинке показалась лань, барсук вылез из норы, павлин распустил хвост на лужайке; он убил всех, и тогда стали появляться новые козы, новые лани, еще барсуки, еще павлины, и дрозды, и сойки, и лисицы, и хорьки, и ежи, и рыси, зверье без конца, чем дальше, тем больше. Они окружили его, дрожа, со взглядом, полным тихой мольбы. Юлиан не уставал сеять смерть, без конца натягивал арбалет, обнажал меч, всаживал нож; он ни о чем не думал и ничего не помнил. Он охотился в какой-то стране, сколько-то времени; ничто не существовало, только он один, и все совершалось с какой-то сонной легкостью.

Странное зрелище остановило его. В круглой, похожей на цирк, ложбине толпились олени; они жались, согревая друг друга, и пар их дыханий поднимался в тумане.

Сердце Юлиана на минуту сжалось от восторга, предвкушая небывалую бойню. Он сошел с лошади, засучил рукава и принялся стрелять.

Все олени разом повернули головы, заслышав свист первой стрелы. Он уже пробил брешь в стаде; раздалось жалобное мычание, животные заметались.

Край ложбины был слишком крут; звери прыгали в ров, нища спасения. Юлиан целил, спускал стрелу, стрелы падали, как молнии. Обезумевшие олени бились, становились на дыбы, лезли друг на друга, их тела со спутанными рогами образовали живой холм, который обрушивался, передвигаясь с места на место.

Наконец, все издохли, распростершись на песке, с пеной у ноздрей, с вывороченными кишками; судорожная дрожь их тел унялась. И стало тихо.

Близилась ночь; небо за лесом сквозь ветки казалось красным, как кровавая скатерть.

Юлиан прислонился к дереву. Его расширившиеся зрачки блуждали; он сам не понимал, как мог нагромоздить такую гору трупов.

На опушке леса у того края ложбины он заметил оленя и самку с детенышем.

Олень был черен и огромен ростом, у него была белая борода и шестнадцать отростков на рогах. Светлая, как вя-

лый лист, самка щипала траву; пятнистый теленок сосал ее на ходу.

Еще раз звякнул арбалет. Теленок тотчас упал. Самка подняла голову к небу и взвыла глубоким, раздирающим, человеческим голосом. Рассерженный Юлиан свалил ее стрелю прямо в грудь.

Самец увидел его и сделал прыжок. Юлиан пустил последнюю стрелу. Она попала в лоб и там застряла.

Олень как будто не чувял раны. Он приближался, прыгая через трупы, собираясь броситься и ударить; Юлиан отступал в несказанной тревоге. Ужасный зверь остановился; его глаза пылали; торжественный, как патриарх или судья, он трижды произнес, под звуки далекого колокольного звона:

— Будь проклят! Настанет день, чудовище, ты убьешь мать и отца!

Колени его подогнулись, веки тихо смежились; зверь издох.

Юлиан был потрясен; и вдруг почувствовал глубокую усталость; им овладело отвращение, страшная тоска. Он долго плакал, охватив голову руками.

Коня он потерял; собаки убежали; окрестная пустыня насылала невнятные страхи. Томимый ужасом, он пошел напрямик по равнине, выбрал наудачу тропинку и почти мгновенно очутился у ворот замка.

Сон бежал от него. Все время мерещился ему под мерцанием висячей лампы черный олень. Предсказание не выходило из головы; он старался его отогнать.

— Нет! я не убью!

И вдруг опять:

— А если...

Он боялся, как бы дьявол не вселил в него страшной мысли.

Три месяца мать молилась в тоске у его изголовья, а отец бродил, стеная, по залам. Он созвал лучших знахарей, они прописали множество снадобий. Причиной болезни Юлиана был, по их словам, неприязненный ветер или любовная тоска. Юноша на все вопросы молча опускал голову.

Силы вернулись к нему; старый монах и добрый отец прогуливали его по двору, поддерживая под руки.

Поправившись окончательно, он упрямо отказывался от охоты. Отец, надеясь развеселить его, подарил ему большой сарацинский меч в ножнах, высокий, как столб в конюшне.

Вынуть меч из ножен можно было только с лестницы. Юлиан влез. Тяжелый меч вырвался из рук и, падая, задел родителя так близко, что рассек ему епанчу; Юлиан, думая, что убил отца, лишился чувств.

С тех пор он перестал брать в руки оружие; один вид обнаженного лезвия заставлял его бледнеть. Такая слабость приводила всю семью в отчаянье.

Наконец, старый наставник, во имя Бога и чести предков, заставил его вновь приняться за военные упражнения, приличные дворянину.

Конюхи целые дни забавлялись метанием дротиков. Юлиан скоро преуспел в этом занятии; он попадал в горлышко бутылки, сбивал гребешки у флюгеров и за сто шагов вбивал гвоздь в ворота.

В один летний вечер, когда туман не позволял ясно различать предметы, Юлиан увидел в глубине беседки два белых крыла, трепетавшие на уровне стриженных кустов. Уверенный, что это аист, он бросил дротик.

Раздался раздирающий крик.

То была мать; длинные лопасти ее чепца были пригвождены к стене беседки.

Юлиан бежал из замка и пропал без вести.

II

Он встретил шайку разбойников и присоединился к ней.

Он изведаль голод и жажду, его терзали лихорадка и глисты. Он привык к дракам и стычкам, к виду умирающих. Ветер выдубил ему кожу, члены его огрубели под тяжестью оружия; он был силен, смел, вынослив, расчетлив, и потому сделался без труда атаманом банды.

Он одушевлял бойцов на битву широким взмахом меча. По узловатой веревке карабкался он на стены укреплений; языки греческого огня лизали его панцирь, горящая смола и расплавленное олово текли на него со стен. Не однажды камень разбивал его щит. Под ним рушились перегруженные людьми мосты. Пустив в ход всю силу оружия, он освободился от четырнадцати конных неприятелей. Он вызывал на поединок всех, кто хотел с ним сразиться. Раз двадцать его считали погибшим.

Божьей милостью он всегда оставался невредимым, ибо он защищал духовных лиц, вдов и сирот, а особенно стариков. Завидя идущего впереди, он окликал его, чтобы рассмотреть лицо, точно боялся нечаянно убить.

Беглые рабы, взбунтовавшиеся крестьяне, незаконнорожденные. ., все, кому нечего терять, стекались под его знамя; он собрал войско.

Войско росло. Он вошел в славу. В нем заискивали.

Он помогал дофину Франции и королю Англии, Иерусалимским храмовникам и Парфянскому владыке, Абиссин-

скому негусу и императору Калькутты. Он сражался со скандинавами, покрытыми рыбьей чешуей, с неграми, сидевшими на красных ослах и вооруженными круглыми щитами из кожи бегемота, и со златокожими индийцами, которые размахивали над головой широкими и светлыми, как зеркало, саблями. Он одолел Троглодитов и Антропофагов. Он бывал в странах, где солнце так жгло, что волосы загорались, как факелы; и в других странах, где морозы были так суровы, что руки отваливались от туловища и падали на землю; и в странах, где туман был так густ, что люди шли, окруженные призраками.

С ним советовались государи, которым приходилось плохо. Переговоры послов благодаря ему получали неожиданно благоприятный исход. Когда монарх вел себя слишком плохо, он являлся как снег на голову и делал предостережение. Он освобождал народы. Он дал свободу томившимся в башнях королевам. Это он раздавил Миланскую змею и Обербирбахского дракона.

Император Окситании, торжествуя победу испанцев над мусульманами, сочетался браком с дочерью калифа Кордовы; от этого брака родилась дочь, которую он воспитал по-христиански. Но калиф, притворно изъявив желание креститься, приехал к императору в гости с большим отрядом, истребил весь гарнизон, бросил зятя в подземелье и обращался с ним жестоко, надеясь выманить спрятанные сокровища.

Юлиан пришел на помощь, истребил войско неверных, взял город, казнил калифа и бросил его голову, как мяч, через стену. Покончив с этим, он освободил монарха из подземелья и возвел его на трон в присутствии всего двора.

Император в награду за такую услугу предложил ему множество корзин с деньгами; Юлиан отказался. Полагая, что этого мало, император предложил три четверти своих богатств; опять отказ; предложил разделить с ним царство, — Юлиан поблагодарил; император плакал с досады, не зная, чем бы выразить свою признательность; вдруг он хлопнул себя по лбу и шепнул что-то на ухо придворному; ковер раздвинулся, и появилась молодая девушка.

Ее большие черные глаза сияли, как тихие светильники. Губы улыбались нежно. Кольца кудрей падали на чуть открытое, украшенное камнями платье; за прозрачным покрывалом угадывалось юное тело, все небольшое, уже налившееся, с тонкой талией.

Любовь ослепила Юлиана; ибо до сих пор он вел целомудренную жизнь.

Итак, он женился на дочери императора и получил в приданое замок ее матери; после свадьбы и бесконечного обмена приветствий молодые уехали.

Беломраморный дворец в мавританском стиле стоял на высоком уступе в апельсинном лесу. Террасы, пестрея цветами, спускались к берегу залива, где розовые ракушки звенели под ногами. Позади дворца, точно рисунок на веере, расстилался лес. Небо было всегда синее; деревья клонились туда и сюда, под легким дуновением с моря и под ветром с гор, обставших дальний горизонт.

В полусумраке комнат светились инкрустированные стены. Высокие, тонкие, как тростник, колонки поддерживали купол, украшенный рельефами, подобно сталактитовому гроту.

В залах журчали водометы, двор был вымощен мозаикой, узорные переборки являли тысячи строительных тонкостей; всюду царил такая тишина, что был слышен шелест шарфа и отзвук вдоха.

Юлиан перестал воевать. Он отдыхал, окруженный мирным племенем; каждый день мимо него проходили толпы народу и каждый целовал ему руку, преклоняя колени по восточному обычаю.

Юлиан в одежде из пурпура сидел, облокотясь на глубокое окно, и вспоминал свои былые охоты; ему хотелось скакать по пустыне за страусом и газелью, прятаться в кустах бамбука, подстерегая леопарда, ходить по лесам, полным носорогов, забираться на самые недоступные вершины, чтобы лучше прицелиться в орла, бить белых медведей на льдах океана.

Иногда ему снилось, что он в раю и окружен зверьми, как праотец Адам; он умерщвлял их мановением руки; а то они проходили мимо, попарно и по росту: сначала слоны и львы; потом горностаи и утки, как в день постройки Ноева ковчега. Он пускал в них из пещеры неминуемые стрелы; звери шли и шли без конца; он просыпался, дико вращая глазами.

Дружественные принцы приглашали его на охоту. Он всегда отказывался, надеясь жертвой отстранить грозившую беду; ему казалось, что жребий отца и матери связан с судьбой убитых зверей. Но он тосковал о родных, и новая тоска становилась нестерпимой.

Жена, чтобы развлечь его, позвала танцовщиц и жонглеров.

Она совершала с ним прогулки в полях в открытых носилках. Иногда, ложась на лодку, они забавлялись игрою рыб в ясной, как небо, воде. Она бросала ему в лицо цветы;

сидя у его ног, она перебирала струны мандолины; потом, обвив ему шею руками, спрашивала робко и тихо:

— Мой повелитель, что с тобою?

Он молчал или раздражался слезами; наконец, он поведал ей свою страшную думу.

Она прогнала ее ласковыми словами: отца и матери, вероятно, уже нет в живых; если ж он когда-нибудь их увидит, то с какой стати лелеять ему такую ужасную мысль? Страх напрасен, и надо вновь приняться за охоту.

Юлиан улыбался, слушая ее, но все еще не решался отдаться своей страсти.

В один августовский вечер она только что легла, а он преклонил колени и стал молиться; вдруг раздались тьякканье лисицы и легкие шаги под окном; тени каких-то зверей промелькнули в темноте. Испытание было слишком сильно. Он отстегнул колчан.

Она удивилась.

— Я слушаюсь тебя! — сказал он. — К утру я возвращусь.

Она исполнилась мрачного предчувствия.

Он стал утешать ее и ушел, дивясь ее непостоянству.

Спустя немного времени паж доложил, что двое неизвестных, не застав дома сеньора, просят немедленного свидания с госпожой.

В комнату вошли старик и старуха, седые, сгорбленные, в холщовом платье, опираясь на палки.

Когда прошло первое смущение, они сказали, что принесли Юлиану весть о родителях.

Она насторожилась.

Встретясь с нею взглядом, они спросили, любит ли он отца и мать, вспоминает ли их когда-нибудь.

— О, да! — сказала она.

Они радостно вскрикнули:

— Так это мы и есть!

И опустились на сиденья, томимые усталостью.

Молодая женщина не поверила сразу, чтобы супруг ее мог быть их сыном.

В виде доказательства они описали приметы на теле сына.

Она вскочила с ложа и кликнула пажа; принесли ужин.

Старики, несмотря на голод, не могли ничего есть; она смотрела сбоку на костлявые руки, в которых тряслись кубки.

Они задали тысячу вопросов о Юлиане. Она ответила на все, умолчав лишь о мрачной мысли, которая касалась их.

Прождав его напрасно, они покинули свой замок; они блуждали годы и годы, следуя смутным указаниям и не те-

ря надежды. Кошельки их опустели, они теперь нищенствовали, столько ушло денег на речные переправы и на гостиницы; владельцы земель брали с них пошлыны, разбойники их грабили. Что нужды? Они обнимут сына. В упоении счастья они радовались на красавицу жену и обнимали ее.

Их поразила пышность убранства; старик, осматривая стены, спросил, почему здесь изображен герб императора Окситании.

— Это отец мой, — отвечала она.

Он содрогнулся, вспомнив предсказание цыгана; а старухе вспомнились слова отшельника. Без сомнения, слава сына была лишь преддверием вечного величия; оба замечались над столом, при свете канделябра.

Должно быть, они были хороши собой в молодости. Мать еще сохранила все волосы, их тонкие, точно снежные нити обрамляли щеки; высокий длиннородый отец был похож на церковную статую.

Жена Юлиана убедила их не ждать сына. Она сама уложила их и заперла окна; старики уснули. День брезжил, маленькие птички начинали петь за цветными стеклами.

* * *

Юлиан миновал парк; он, волнуясь, шел по лесу, вдыхал душистый воздух и радовался нежной траве.

Тени от деревьев лежали на мху. Он останавливался там, где пятна лунного света на прогалинах белели, как лужицы; цвет тихих заводей сливался с цветом травы. Царила глубокая тишина; тех зверей, которые только что бродили возле замка, не было нигде.

Лес становился чаще, мрак сгущался. Налетали теплые дуновения, полные разнеживающих запахов. Он проваливался в кучи сухих листьев и прислонился к дубу, чтобы немного передохнуть.

Вдруг за спиной метнулась темная туша кабана. Он не успел схватиться за лук и огорчился этим, точно случилось несчастье.

Выйдя из лесу, он заметил волка, который пробирался по опушке.

Юлиан послал стрелу. Волк остановился, повернул голову, посмотрел и побрел дальше. Он трусил все на одном расстоянии, останавливался по временам и опять убежал, завидя, что в него целятся.

Юлиан перешел таким образом бесконечную равнину, миновал какие-то песчаные бугры и очутился на возвышенности, в которой открывался просторный вид на страну. Плитняк белел среди развалившихся склепов. Нога спотыкалась

о кости мертвых; местами уныло торчали погнувшиеся, источенные червями кресты. Какие-то смутные очертания сновали в неверных тенях могил; он различил испуганных, дрожащих гиен. Цапая когтями по камню, они подходили к нему и пригнувались, скаля десны. Он обнажил меч. Они сразу разбежались во все стороны торопливым хромающим галопом и потонули в далеком облаке пыли.

Час спустя он встретил в лощине бешеного быка; бык, наставив рога, рыл ногою песок. Юлиан всадил ему в грудь копье. Копье разлетелось, точно зверь был из бронзы; ожидая смерти, Юлиан закрыл глаза. Когда он открыл их, быка не было.

Сердце его упало от стыда. Какая-то высшая воля лишила его сил; его потянуло домой, и он вернулся в лес.

Он рубил мечом густые сплетенья лиан; вдруг куница дерзко шмыгнула между ног, пантера прыгнула через плечо, и змея обвилась вокруг ствола ясеня.

Огромная галка сидела в листьях и смотрела на Юлиана; в ветвях там и сям загорелись крупные искры, точно небо осыпало все звезды в этот лес. То были глаза зверей, диких кошек, белок, сов, попугаев, обезьян.

Юлиан пускал в них стрелы; крылатые стрелы, точно белые бабочки, садились в листьях. Он швырял камни; камни падали, никого не задевая. Он проклинал себя, рвал на себе волосы, выл от досады, задыхался от бешенства.

Все звери, на которых он охотился, собрались и обступили его тесным кругом. Одни присели на задние лапы, другие вытянулись во весь рост. Он стоял среди них, холодея от ужаса, не смея пошевелиться; наконец, собрав остаток воли, сделал шаг вперед; тогда сидевшие на деревьях распустили крылья, а те, кто был на земле, переменили место; и не отставали.

Гиены выступали впереди, волк и кабан — позади. Справа качалась голова быка, слева змея пресмыкалась в траве; пантера, выгибая хребет, двигалась бархатной поступью и вдруг делала огромный прыжок. Он шел как можно медленнее, чтобы не дразнить зверей, и видел, как из гущи кустов вылезали дикобразы, лисицы, ехидны, шакалы, медведи.

Юлиан бросился бежать; они с ним. Змея ползла со свистом, вонючие звери пускали слюну. Кабан касался его пяток клыками, волк щекотал ладони косматой мордой. Обезьяны кривлялись и шипали его, куница терлась в ногах. Медведь ударом лапы сшиб с головы шапку; пантера пренебрежительно выронила стрелу, торчавшую из ее пасти.

В суровых движениях зверей скользила усмешка.казалось, они обдумывали план мести, косясь на него глазами;

оглушенный жужжанием насекомых, иссеченный птичьими крыльями, он шел среди удушливых испарений, как слепой, протянув вперед руки и закрыв глаза; у него не было даже силы крикнуть о пощаде.

Крик петуха пронесся в воздухе. В ответ запели другие; день наступил; над вершинами апельсиновых деревьев Юлиан различил кровлю дворца.

В трех шагах от себя, на краю лужайки, он заметил красных куропаток, порхавших в траве. Отстегнув плащ, он накинул его на них, как сеть. Приподняв плащ, он нашел под ним единственную куропатку, притом давно убитую, гнилую.

Этот обман был тяжелее всех остальных. Жажда крови опять разгорелась; он готов убивать людей, если нет зверей.

Вскарабкавшись по трем террасам, он распахнул дверь ударом кулака; внизу лестницы его охватила нежность к жене. Она спит, наверное, он пойдет к ней.

Тихонько сняв сандалии, он повернул ключ и вошел.

Цветные стекла с украшениями из олова убивали бледный свет зари. Юлиан запутался ногами в одеждах на полу; дальше наткнулся на стол с небранной посудой. «Должно быть, ужинала», — подумал он; он стал продвигаться к скрытой в темной глубине покоя кровати. Подойдя близко, он наклонился, чтобы поцеловать жену, к подушке, где покоились рядом две головы. На губах он почувствовал укол бороды.

Он отшатнулся, думая, что сошел с ума; но вернулся к постели и нащупал дрожащими пальцами длинные волосы. Провел рукой по подушке, чтобы удостовериться в обмане. Да, это мужская борода! Мужчина спал с его женой!

В неистовом гневе он бросился на них и наносил кинжалом удар за ударом; он топал ногами, пена выступила на губах, как у бешеного зверя. Наконец, он притих. Мертвые даже не шевельнулись, удар пришелся в сердце. Он чутко прислушивался к двум почти одинаковым клокотаниям в груди; по мере того как два хрипа слабели, где-то вдаль им отвечал третий. Этот долгий, жалобный голос, сначала невнятный, приближался, окреп, стал ужасным; скованный страхом Юлиан узнал в нем, наконец, крик черного оленя.

Он оглянулся; перед ним, в раме дверей, мелькнул призраком жены со светильником в руке.

Шум убийства разбудил ее. Взглянув, она сразу поняла все и, убегая в ужасе, уронила факел.

Он поднял его.

Отец и мать лежали перед ним навзничь с пронзенной грудью; величавый мир их лиц хранил, казалось, вечную

тайну. На белой коже, на простынях, на полу, на длинном распятии слоновой кости в алькове была разлита и разбрызгана кровь. Солнце ударило в стекло, и багряный отсвет его лежал на красных пятнах и сам оставлял их по всей комнате.

Юлиан приблизился к мертвым; он твердил себе, что это невозможно, он хотел верить, что опять обманулся, что бывают непостижимые сходства. Он тихонько нагнулся, желая рассмотреть старика; сквозь полуоткрытые веки на него взглянул потухший зрачок, обжигая его огнем. Он обошел кровать и стал смотреть на другое тело; седые волосы закрывали часть лица. Юлиан подsunул руку под эти седые пряди и поднял голову, и глядел на нее; придерживая кистью кочeneющей руки, поднимал другой рукою факел. Капли сочились с кровати и падали на пол одна за другой.

Вечером он пришел к жене; он приказал ей чужим голосом ничего не говорить ему, не подходить, не глядеть; она должна под угрозой проклятия исполнить все приказания, которым не будет отмены.

На аналое в комнате убитых он написал распоряжение о похоронах. Он завещал жене дворец, вассалов, все свое добро вплоть до одежды, которая была на нем, и те сандалии, которые остались у двери на лестнице.

Она подчинилась воле Божией; она подала повод к преступлению и должна была молиться о его душе, ибо с той поры сам он перестал существовать.

Мертвых похоронили с пышностью в монастырской церкви, в трех днях пути от замка. Монах с опущенным капюшоном следовал за процессией, держась вдали от остальных; никто не смел с ним заговорить.

За обедней он распростерся среди церкви на полу, лицом в пыли, раскинув руки крестом.

После похорон видели, как он удалялся по дороге в горы. Он оборачивался несколько раз и, наконец, пропал из виду.

III

Он ушел в мир и стал нищим.

Он протягивал руку за подаванием всадникам на большой дороге, становился на колени перед жнецами или простаивал неподвижно у ограды; лицо его было так печально, что никто не отказывал ему в милостыне.

В порыве самобичевания он рассказывал свою жизнь, и тогда слушатели отходили от него, осенясь крестным знаме-

нием. В тех деревнях, где его уже знали, перед ним захлопывали двери, грозили ему и швыряли в него камнями. Те, кто добрее, ставили миску на подоконник и закрывали ставню, чтобы не глядеть.

Он был гоним всюду и избегал людей, питаясь корнями, травами, оброненными плодами и ракушками с морского берега.

Порою взорам его открывалась беспорядочная масса крыш со шпильями, мосты, башни, черные впадины сплетающихся улиц; оттуда доносилось непрерывное гуденье.

Необходимость быть с людьми заставляла его иногда идти в город; но сердце его сжималось от звероподобия лиц, от грохота молотов и от равнодушия речей.

По праздникам, когда гудящие на заре колокола наполняли все сердца радостью, он глядел на горожан, выходящих из домов, на пляски среди площади, на пиво, струящееся на каждом перекрестке, на шелковые ковры перед домами богачей; вечером в окнах нижних этажей виднелись длинные столы, за которыми собиралась вся семья, и старики с ребятами на руках; рыдания сжимали ему горло, и он уходил из города.

С приливами нежности он глядел на птенцов в траве, на птичьи гнезда, на бабочку в цветке; все живое бежало от него, едва он подходил, пряталось в ужасе, старалось улететь.

Он стал искать одиночества; но голос ветра, похожий на предсмертный хрип, выл ему в уши; падающие на землю капли росы напоминали другие, более тяжелые капли. Каждый вечер солнце оставляло на тучах кровавый след; каждую ночь ему снилось отцеубийство.

Он подбил власяницу железными иглами. Он стал всплзать на коленях на все холмы, где виднелась часовня. Но беспощадная мысль омрачала сияние алтаря и не оставляла его, несмотря на умерщвление плоти.

Он не роптал на Бога, который вложил кинжал в его руку; но сокрушался о том, что посмел поднять его.

Он искал опасностей, желая избавиться от себя, до того отвратителен был он себе самому. Он вытаскивал калек из горящих домов и детей из водной пучины; вода выбрасывала его назад, огонь щадил его.

Время не утолило страдания, мучение становилось нестерпимым, и он решил умереть.

Он свесился над водоемом и смотрел, глубока ли вода; оттуда взглянул на него дряхлый старик с белой бородой; вид его был так жалок, что Юлиан заплакал. Заплакал и старик. Не узнав себя, Юлиан смутно припоминал, где он

видел такое лицо. И вдруг вскрикнул: то был отец; тогда он перестал мечтать о смерти.

Так, под бременем воспоминаний, прошел он многие страны и очутился на берегу реки; она текла очень быстро, а берега на большом расстоянии покрылись илом, так что переправа была опасна. Давно уже никто не переплывал эту реку.

Из камыша торчал нос старой лодки, с завалившейся кормой. Юлиан обшарил ее и нашел пару весел; его осенила мысль посвятить жизнь свою на служение другим.

Он начал с того, что устроил на берегу дорогу, чтобы можно было сходить к воде; он ломал ногти, ворочая тяжелые камни; таскал их, упирая в напряженный живот, скользил и вязнул в тине; не раз он был на краю гибели.

Обломками старых судов он починил лодку и построил себе шалаш из дерева и глины.

Когда узнали, что есть переправа, нашлись и охотники. Они вызывали его с того берега, махая флагом; Юлиан поспешно спрыгивал в лодку; она и сама была тяжела; к этому прибавлялись тюки, вязанки и вьючные животные, которые брыкались со страху и затрудняли движение. Он ничего не брал за труды; кое-кто давал ему остатки пищи или вовсе изношенную одежду. Были и такие, что громко ругали его. Юлиан все сносил с кротостью; когда его осыпали новыми оскорблениями, он только благословлял обидчиков.

Скамья, столик, лежанка из сухих листьев да три глиняные чашки — вот все, что у него было. Окнами служили ему две дыры в стене. С одной стороны расстилались бесконечные и бесплодные равнины; кое-где бледнели на них пруды; а впереди большая река несла свои зеленоватые воды. Весною влажная земля испускала запах гнили. Беспорядочный ветер крутил пыль, которая проникала всюду и скрипела на зубах. Позже налетали стаи москитов; от их укусов и жужжанья негде было укрыться ни днем, ни ночью. Потом наступали жестокие морозы; от них каменела земля и просыпалась безумная охота поест мяса.

Месяцами Юлиан не видел ни души. Часто закрывал он глаза, стараясь возобновить в памяти образы своей юности, и очам представал замковый двор, и гончие, и оруженосцы, и под виноградной сенью — золотокудрый отрок, а рядом — старец в лисьей шубе и дама в высоком головном уборе; и вдруг — два трупа. Он бросался ничком на лежанку.

— О, несчастный отец! несчастная мать! — повторял он, рыдая.

И тяжелая дремота была полна замогильных видений.

* * *

Раз ночью сквозь сон послышалось ему, что кто-то зовет.
Он прислушался; только волны роптали.

И опять голос:

— Юлиан!

Река была широка, а голос доносился с того берега; это было странно.

И в третий раз послышалось:

— Юлиан!

Высокий голос был похож на церковный колокол.

Юлиан зажег фонарь и вышел из шалаша.

Ночь содрогалась от страшного ветра. Сквозь глубокий мрак белели кое-где гребешки плещущихся волн.

После минутной заминки Юлиан отвязал веревку. Мгновенно волны утихли, лодка скользнула по ним и пристала к берегу; там ждал человек.

Он был в лохмотьях, и на лице, подобном гипсовой маске, ярче красных углей пылали глаза. Подняв фонарь, Юлиан увидел все признаки отвратительной проказы; но в осанке человека было как бы королевское величие.

Станным образом осела под его тяжестью лодка, когда он ступил в нее; Юлиан оттолкнулся и принялся грести.

С каждым взмахом весел нос поднимался на гребне волны. Черная, как чернила, вода грозно бурлила по сторонам; угловое суденышко то уносилось в пропасть, то взлетало на гребень и, вспрыгнув, опять опускалось, вертясь и качаясь под напором ветра.

Юлиан скрючивался, со всех сил напрягал руки и, упираясь ногами, откидывался всем телом назад, чтобы грести сильнее. Град хлестал по рукам, дождевые капли скатывались по спине; задыхаясь от яростного ветра, он бросил весла, и лодку отнесло назад. Тогда он опять стал грести, чувствуя, что происходит что-то важное, что есть веления, которых нельзя слушаться; только визг уключин спорил с воплями бури.

Впереди горел фонарик; порою он мигал, это пролетала птица. И все время видел Юлиан зрочки Прокаженного, который неподвижно, как столб, стоял на корме.

Казалось, этому не будет конца.

Они вошли в шалаш, и Юлиан запер дверь; тот уже сидел на скамье. На нем было что-то вроде савана, который спустился до бедер; плечи, грудь и плети рук были сплошь покрыты шелушащимися язвами. Глубокие морщины изрезали лоб; на месте носа была дыра, как на мертвом черепе; из синеватых губ выходил густой и вонючий пар от дыхания.

— Я хочу есть, — сказал он.

Юлиан дал ему все, что нашлось: кусок залежавшегося сала и корку черного хлеба.

Он съел все с жадностью; стол, миска и ручка ножа покрылись гнойными струпами.

— Я хочу пить, — сказал он.

Юлиан пошел за кружкой; из нее исходил аромат, от которого расширялись ноздри. То было вино; какая находка! Прокаженный протянул руку и одним глотком осушил кружку.

Он произнес:

— Мне холодно!

Юлиан разжег кучку хвороста посреди шалаша.

Прокаженный стал греться; он сел на корточки, дрожа всем телом и слабая; глаза уже не блестели, язвы намокли; он пробормотал потухшим голосом:

— В постель!

Юлиан осторожно помог ему дотащиться и укрыл его парусом.

Прокаженный стонал. Отвисшие углы губ обнажили зубы, частое дыхание сотрясало грудь, живот при каждом вздохе вытягивался до позвоночника.

Веки его закрылись.

— Точно лед в костях! Ляг рядом!

Юлиан, отодвинув парус, лег на сухие листья бок о бок с ним.

Прокаженный повернул голову:

— Разденься, согрей меня своим телом.

Юлиан скинул одежду; он лег опять на постель, голый, как в день рождения; он чувствовал бедром кожу Прокаженного; она была холоднее змеи и шершавее напильника.

Он старался ободрить больного; тот бормотал, задыхаясь:

— Я умираю... ближе, ближе, согрей меня! Нет, нет, не руками! Прижмись всем телом.

Юлиан лег на него, грудь с грудью и губы с губами.

И Прокаженный обнял его; и внезапно в глазах его засиял звездный свет; волосы его протянулись, как солнечные лучи; ноздри его заблагоухали розами; клуб фимиама поднялся с очага, а волны пели.

В тот миг несказанное очарование и неземная радость потоком ринулись в замерзшую душу Юлиана; и Тот, в чьих объятьях лежал Юлиан, стал расти и расти; Его голова и ноги коснулись стен шалаша. Крыша поднялась и небо разверзлось; и Юлиан вознесся в голубую твердь лицом к лицу с Господом нашим Иисусом Христом, который взял его на небо.

* * *

Вот легенда о Святом Юлиане Странноприимце.....; приблизительно так она изображена на стекле в церкви моей родины.

* * *

Приложение

М. А. Волошин

ПРЕДВАРЕНИЕ О ПЕРЕВОДЕ
«ЛЕГЕНДЫ О СВЯТОМ ЮЛИАНЕ ГОСТЕПРИИМЦЕ»
ФЛОБЕРА

Перевод «Легенды о Святом Юлиане», сделанный Волошиным, вошел в советские издания Флобера наравне с тургеневским.¹ Он был выполнен в 1920-е годы (точнее время работы над этим переводом выяснить не удалось) по заказу Гослитиздата для Собрания сочинений Флобера в 10-ти томах, которое выходило в 1930-е годы под редакцией А. В. Луначарского и М. Д. Эйхенгольца. В архиве М. А. Волошина в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 562, оп. 1, № 428), наряду с машинописью переводов двух новелл Флобера — «Простое сердце» и «Легенда о Св. Юлиане», — сохранилось его «Предварение о переводе» последней, ранее не публиковавшееся, но использованное без ссылки на источник в примечании от редакции к 5-му тому указанного собрания сочинений Флобера и в статье М. Эйхенгольца «Работа над переводом «Иродиады» Флобера».² Наряду с незаконченной машинописью «Предварения о переводе» (№ 428, л. 3—7) в эту единицу хранения входит и рукопись карандашом на папиросной бумаге (л. 1—2). Между машинописью и рукописью есть незначительные разночтения. Машинопись не имеет конца. Ни рукопись, ни машинопись нельзя считать подготовленными автором к публикации. Но мысли, высказанные Волошиным о «Легенде» Флобера и ее переводе на русский язык, представляя несомненный интерес.

Очевидно, Волошин не знал, что после перевода Тургенева «Легенда» Флобера переводилась многими авторами, включая Блока. Отдавая должное переводу Тургенева, Волошин в то же время обнаруживает возможности более точного и близкого к тексту оригинала перевода. Прежде всего он останавливает свое внимание на заглавии новеллы. Тургеневский эпитет «Милостивый», не соответствующий, с его точки зрения, замыслу Флобера, он заменяет буквализмом «Гостеприимец», который советские издатели не сохранили, отдав предпочтение варианту, впервые предложенному Н. Соболевским, — «Странноприимец».

Волошин высказывает ошибочное предположение, что новелла Флобера не имела литературных источников, чем объясняет его исторические ошибки. Он указывает на три такие ошибки: 1) отсутствие племени цыган в XIII в.; 2) неверное упоминание слова «белье» в отношении к французскому быту XIII в.; 3) способ соколиной охоты, описанный Флобером.

Если первое замечание справедливо, то второе можно оспорить. Французское слово «linge», обозначающее «белье», а не голландское полотно,

¹ См.: Флобер Г. 1) Собр. соч.: В 10 т. М.; Л. 1934. Т. 5; 2) Собр. соч.: В 5 т. М., 1956. Т. 4.

² Красная новь. 1935. № 7. С. 204.

как трактует его Волошин, восходит к слову «lin» — «лен». Таким образом, Флобер имеет в виду льняное, «посконное» белье, наличие которого в Европе XIII в. Волошин признает.

Что же касается замечания о соколиной охоте, то здесь Волошин проявляет осведомленность специалиста и рисует живую и убедительную картину, хотя сам в зачеркнутом в машинописи абзаце (л. 7) не отрицает возможности и другого, неизвестного ему способа охоты с помощью ловчих птиц: «Предполагаю, что мне возражат, что мой опыт мог быть единственным и что охота, описанная Флобером, тоже возможна в другую эпоху у других охотников».

Упрек Волошина Тургеневу в переводе этого фрагмента в полном соответствии с флюберовским текстом снимается тем, что он сам не считает себя вправе что-либо изменить в тексте оригинала.

Из «Трех повестей» Флобера две — «Иродиада» и «Юлиан Милостивый» — были переведены на русский язык Тургеневым. Поэтому их судьба в русской литературе пошла не по линии Флобера, который, несмотря на страстную и бескорыстную пропаганду А. И. Урусова, не пользовался в России популярностью, достойной его имени, мастерства и значения, но по линии Тургенева. И «Юлиан» и «Иродиада» включены в Полное собрание сочинений И. С. Тургенева. Этим самым вошли в состав русской классической литературы. Таким образом, вопрос о Тургеневе как переводчике и не подымался, хотя и приходилось иногда слышать частные и бездоказательные утверждения «из публики»: «Тургенев перевел Флобера — плохо...», которые как будто бы и находили себе подтверждение в недавних сенсационных разоблачениях Тургенева как искажителя тютчевских и фетовских стихов. Поэтому я был немало смущен, когда Госиздат предложил мне перевести «Простое сердце» и «Юлиана».

Но уже самое заглавие повести «Юлиан Милостивый» — вместо буквального Юлиан-Гостеприимец — показало, что тургеневский перевод не исключает возможности иных, более близких Флоберу вариантов. Эпитет «милостивый» взят Тургеневым из церковных Четьи-Миней, как более привычный православному уху, и это не противоречит художественным принципам Флобера, который в этот период избегает слов редких и малоупотребительных, определенно предпочитая работать в материале готовом и уже испытанном. Но если эта вольность в переводе заглавия может быть оправдана стилем, она не находит себе оправдания в содержании повести. И в самом характере Юлиана, который является скорее жестокосердным, чем милостивым. Флобер недаром, отбросив эпитет Святого Юлиана в латинской агиографии «нищий, бедняк», заменяет его не менее привычным в средневековье эпитетом «Гостеприимец». Достаточно припомнить духовный орден «Рыцарей-Гостеприимцев» (Иоаннитов). Когда же я начал сличать оригинал с переводом, то подобных неточностей оказалось очень много. Тургенев всюду обнаруживает склонность русифицировать *(sic)* Флобера и притом в ложном старорусском стиле баллад Алексея Толстого. Так, он говорит о ковшах, которых не хватает на пиру, переводя «ковшом» термин «олифант», то есть рог из слоновьего клыка.

Но и сам Флобер далек от исторической точности. Я не знаю, какими первоисточниками он пользовался, творя Юлиана, и у меня нет под руками для справок классического труда Максима Дюкана о первоисточниках Флобера. Но из финала повести видно, что Флобер исходил не от литературных памятников эпохи, а из чисто зрительных: «Такой я прочел историю Юлиана на расписной оконнице одной из церквей моей родины». Только этим можно объяснить непреднамеренные анахронизмы, которыми в изобилии пестрит текст Флобера. Как, например, цыган, предсказывающий отцу Юлиана судьбу его сына.

Средневековые совершенно не знает цыган. Их появление во Франции отмечено 1427 годом, то есть XV веком, когда уже брезжила заря Ренессанса. Исходи Флобер из литературных документов, у него была бы возможность заменить цыгана иной отверженной расой, которых средневековые знали много и которые социально играли ту же роль: Овернским ли «Маронам», Пиринейским ли «Каго», Бретонским ли «Каку», которых считали потомками прокаженных и относились как к таковым.

Вообще Флобер рисует средневековые вне исторической эпохи и потому вся бытовая часть рассказа изобилует анахронизмами и нелепицами. Так, при описании замка, в котором родился Юлиан, говорится о сундуках, которые ломились от количества белья, которым с особой любовью занималась мать Юлиана, между тем рубашка и вообще полотно появляются только в XVII веке в Голландии, а <в> XIII <веке>, когда психологически происходит действие Юлиана, только впервые узнают льняные «посконные» ткани. Так что в эпоху Юлиана посконная рубаха — это единственная роскошь, которую может себе позволить в смысле белья феодальная аристократия.

Не менее произвольно у Флобера и описание соколиной охоты и ловчих птиц. Тургенев, переводя флоберовские «каталоги», излюбленные писателями романтизма с легкой руки Виктора Гюго, не упускает случая блеснуть знанием охотничьих терминов и словечек, но никак не исправляет флоберовских нелепиц при описании самой охоты. Пишущему эти строки в юности доводилось самому принимать участие в киргизских охотах с молодыми беркутами на фазанов и зайцев. По Флоберу охота происходит в воздухе. Юлиан замечает высоко парящую птицу, спускает сокола и наблюдает две точки, которые кружатся в воздухе, а потом сокол возвращается к нему на перчатку, держа в когтях пойманную дичь. Между тем в реальности охота происходит так: дичь — фазан или заяц — бежит по земле в глубине колючих зарослей, стараясь скрыться от зоркого глаза ловчей птицы, которая парит над нею в воздухе и оттуда клювом вперед падает камнем на добычу и пробивает ей череп. Весь пафос соколиной охоты заключается в яростной скачке конных охотников через заросли кустарника, рвы и колючки. Охотники должны настичь сокола, когда он уже успел убить дичь, но не успел ее растерзать. Иначе он не вернется к хозяину. Обычно охотники застают сокола охватившим добычу когтями и гордо оборачивающим голову к охотникам. В то время как одни спешиваются, чтобы отнять добычу, киргиз достает *привадку* — кусок сырого мяса — и на призывный свист <сокол> делает взмах крыльев и садится на кожаную перчатку хозяина, который тотчас замыкает цепочкой его ногу.

Флобер мог этого не знать, но едва ли не знал этого охотник Тургенев, а в переводе нет никакого намека на желание исправить ошибку оригинала. Он переводит буквально так, как Флобер себе представлял эту картину, невозможную и не соответствующую действительности.

Я не счел возможным вносить какие-нибудь исправления в текст Флобера, но подстрочное примечание стало необходимо.

Коктебель.